

ОБРАЗ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВО ВЛАСТИ ТОТАЛИТАРИЗМА В АНТИУТОПИИ ЕВГЕНИЯ ЗАМЯТИНА «МЫ» И ЕГО РЕАЛЬНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ В НАСТОЯЩЕМ МИРЕ

Евгений Иванович Замятин, замалчиваемый более полувека на родине, талантливый и оригинальный прозаик XX века, автор первой - с точки зрения литературного жанра - антиутопии, в своем творчестве выражал беспокойство за будущее не только искусства, литературы, но прежде всего за будущее русского государства и человека как личности. Происходящие на его глазах экономические, политические и культурные перемены, связанные со становлением коммунизма на русской почве путем насилия и кровавого террора, не могли не повлиять на молодого писателя. Как «писатель-еретик», стремящийся всегда говорить правду, несмотря на последствия, в своих публицистических эссе, научных статьях, художественных текстах комментировал и описывал тогдашнюю действительность, а также прогнозировал, что может произойти, если человек преклонится перед тоталитаризмом и поддастся иллюзии, что рождающийся общественный порядок в состоянии принести в будущем всем счастье и благосостояние.

Свои предчувствия и катастрофичные предположения, относящиеся к модели будущей цивилизации, наиболее полно он представил в антиутопии «Мы». В ней Замятин нарисовал картину тоталитарного, фантастического государства, в котором анонимность, насилие над личностью и перманентный обман привели к автоматизму жизни, духовному и интеллектуальному падению человека. В интервью французскому критику Ф.Лефевру писатель утверждал: «Этот роман – сигнал об опасности, угрожающей человеку, человечеству от гипертрофированной власти машин и власти государства – все равно какого»[2; 21]. Цивилизация изображена Замятиным лишена прикрепленности к конкретному пространству и времени, хотя здесь обнаруживаем намеки на советскую действительность, поэтому можем считать этот роман с одной стороны универсальным, с другой, в каком-то смысле вещим в отношении будущего Советской России. Писатель предвидел не только угрозы и извращения социалистического строя, но также запечатлел в романе суть европейских тоталитарных систем и опасностей, с которыми будет бороться мир его потомков[5; 81].

В данной работе мы пытаемся представить образ тоталитарного государства, изображаемого Замятиным, в котором человек превращен в бессознательное существо, в винтик государственной машины. Нашей целью является также доказать, что текст Замятина до сих пор не утратил своей актуальности и может восприниматься читателями XXI века как роман-предостережение перед технократией, автоматизацией жизни и гипертрофированной властью. Примеры разных форм тоталитаризма можем наблюдать и в настоящее время – на разных континентах, в странах с разными политическими строями.

В эссе «О литературе, революции и энтропии» Замятин выразил взгляд, что «живая литература живет не по вчерашним часам и не по сегодняшним, а по завтрашним»[7; 389]. Примером такой литературы является антиутопия «Мы».

Но прежде чем приступим к анализу текста, следует отнестись к понятию *тоталитаризм*, которое впервые было упомянуто в работах философа Джованни Джентиле в 1926 году. Согласно дефиниции, помещенной в *Википедии*, которая главным образом опирается на исследования западных политологов и историков, в том числе *Shlapentokha, Müllera и Pollacka*, *тоталитаризм* (от итал. *totalitario*) — это «политический режим, характеризующийся крайне широким (*тотальным*) контролем государства над всеми

сторонами жизни общества. Целью такого контроля над экономикой и обществом является их организация по единому плану. При тоталитарном режиме все население государства мобилизуется для поддержки правительства (правящей партии) и его идеологии, при этом декларируется приоритет общественных интересов над частными. Организации, чья деятельность не поддерживается властью, — например, профсоюзы, церковь, оппозиционные партии — ограничиваются или запрещаются. Роль традиции в определении норм морали отвергается, вместо этого этика рассматривается с чисто рациональных, «научных» позиций». □

Может показаться удивительным, что Замятин, не пользуясь никакими научными исследованиями, нарождающегося общественного порядка, в своем романе представил мир, который полностью художественно реализует понятие тоталитаризма. В «Мы» наблюдаем мир, который функционирует по правилам, созданным главой государства, Благодетелем. Этому миру были присущи террор, полное подчинение государству всех областей общественной и политической жизни, таких как администрация, культура, наука, техника, органы безопасности, а также полный контроль над всеми аспектами жизни граждан, начиная с исполнительных органов государственной власти, и кончая на контроле сексуальной жизни отдельного человека. Граждане Единого Государства – это не люди, а именно *нумера*. Кстати, и в лагерной действительности нередко номер заменяет имя и фамилию человека. Интересное использование Замятиным слова *номер*, которое явно заимствованное из языка узников, подчеркивает ущемленность гражданских прав жителей Единого Государства. *Нумер* в «Мы» лишен не только личной свободы, но и воображения, чувств, собственной воли в результате постоянной манипуляции и тотального контроля. Таким образом он теряет свою тождественность, право на независимость и неповторимость.

В Едином Государстве все реализовалось по единому плану, согласно ожиданиям авторитарного Благодетеля. Прилагательное *единый*, использованное писателем в названиях - *Единое* Государство, *единый* план, подчеркивает устойчивость, безошибочность и беспощадность господствующей системы; исключает возможность диалога с ней, о чем убедились все непокорные представители общества – наказанием за всякий бунт была смерть. Поэтому в «идеально» сконструированном мире нет места для учреждений, провозглашающих идеи, которые не совпадали бы полностью с общепринятыми законами. Нет оппозиционных партий – революционная организация Мефи действует в подполье, нет профсоюзов, нет церкви, хотя ее атрибуты в какой-то мере усвоил государственный аппарат и Благодетель. «Неудобные» понятия, в том числе *традиция*, *история*, устранились из словарей, а единственным реликтом прежней эпохи был забытый богом и людьми Древний Дом, находящийся на окраине государства.

В замятинском романе описан мир после окончания Великой Двухсотлетней Войны, в результате которой выжило только 0,2 населения земного шара, то есть 10 тысяч «номеров». Эти люди и стали гражданами Единого Государства, которым возглавлял всемогущий и всезнающий Благодетель, сравниваемый с Первосвященником. Обожествленный палач, принимающий участие в научных исследованиях и экспериментах, в допросе и истязании обвиняемых, а также при их казни, представляет собой олицетворение государственной власти. Он требует от «номеров» культа своей личности и беспрекословного повиновения. Согласно мнению некоторых исследователей, между прочим Д. Ричардса [цит. за: 1; 87] и Т. Степновской [5; 91], прототипом портрета диктатора из антиутопии является Ленин – жестокий, недоступный народу, творец первых концентрационных лагерей. Помощники Благодетеля, выполнявшие в государстве функцию наблюдателей граждан и доносчиков, названы в произведении «ангелами-хранителями». В Едином Государстве донос сравнивается с жертвоприношением Авраама, а часовой распорядок сопоставлен со скрижалями Моисея. Таким образом Замятин показывает абсурдность этой политической системы, системы, потерявшей способность различать правду от фальши, добро от зла.

Эта проблема актуальна также в нашу эпоху, то есть эпоху постмодернизма, где стираются всякие границы между добром и злом, где не хватает ориентиров, которые могли бы помочь заблудившемуся человеку, жертве техники и науки, правильно оценить окружающую действительность. СМИ, особенно телевидение и мир рекламы, использует разные средства

манипуляции общественным мнением – отбор фактов, оценочные комментарии в пользу избранного политического лагеря, пропаганду, языковые и наглядные средства выражения, чтобы воспитывать потребителей информации в духе конформизма и материализма. В результате человек теряется в хаосе противоречивой информации, в погоне за модой и наживой за счет моральных принципов и другого человека. Он также в каком-то смысле становится рабом.

Писатель обнаруживает как абсурдность, так и опасность этой крайне авторитарной системы, а также трагическое положение человека, потерявшего возможность самостоятельного мышления, лишённого души. В Едином Государстве предпочтение отдается коллективу, массе – преобладает мнение, что «мы» происходит от Бога, а «я» - от дьявола. Все люди равны; живут в одинаковых многоэтажных домах, сделанных из стекла, чтобы легче контролировать жизнь «нумеров»; одеваются в голубоватые униформы; каждого обязывает один и тот же распорядок дня. Понятия, такие как любовь, дружба, интимность, свобода, исчезли из жизни граждан. Семья перестала быть основной ячейкой общества, носителем традиции и любви. В чистом и точно запланированном мире назначены «сексуальные дни», когда «номер» имеет право выбрать себе сексуального партнера, получив заранее розовый талон. Однако, далеко не у всех была возможность произвести на свет потомство. Об этом решали психофизические черты потенциальных репродукторов и нормы, установленные государством.

В настоящее время такие ограничения нам не угрожают (кроме Китая число детей не ограничивается государством). Живем в совершенно других условиях - в демократическом мире Евросоюза, где господствуют толерантность и свобода. Однако это не означает, что мы находимся в полной безопасности. Вопрос о генетическом вмешательстве в развитие плода и селекции генов биологических родителей никого не шокирует и не возмущает. Он все чаще оправдывается обществом. А ведь идея создать совершенного человека уже появилась на страницах истории XX века и по сей день решительно отвергается тем же обществом. Казалось бы, что современный мир избавился от ошибок прошлого и от потребности построить идеальный коллектив. Будущее покажет результаты выбора пути развития нашей цивилизации.

Замятин представил в «Мы» образ полностью контролируемой жизни, где каждая человеческая деятельность приписана определенному времени. В мире Д-503 все предсказуемое. «Нумера» все делают по команде: встают, едят, работают, посещают обязательные лекции, гуляют по четыре человека под звуки марша. Лишь два часа в течение суток они могут использовать по собственному желанию. Однако, даже во время «личных часов», следят за их благонадежностью хранители с помощью микрофонов, фиксирующих разговоры. Аппарат контроля очень хорошо развит в имя безопасности граждан Единого Государства. Всякие бунты и сопротивление подавляются в зародыше. Наказание за еретические взгляды одно для всех: смерть на глазах остальных жителей в День Единогласия в исполнении главы государства – Благодетеля. Парадоксально понести наказание является единственной привилегией «нумера». Все же момент смерти лишен чести и интимности – все смотрят на бунтаря с непониманием и презрением. Вышеупомянутые примеры из жизни в идеальном обществе показывают логику этой системы, опирающейся на рационалистические и научные (а точнее – псевдонаучные) принципы, на полном контроле человека государственной властью.

Интересно, что похожие правила можем наблюдать в государстве, которое считается ведущим примером демократического строя. В США явно и с ведома общества применяются так называемые «средства безопасности» предохраняющие от террористических атак. Разговоры каждого гражданина фиксируются на специальных пленках, а в случае подозрения в какой-то враждебной государству и власти деятельности предпринимаются соответствующие процедуры. Аппарат безопасности и следственные органы развиты на очень высоком уровне. В след за США идут другие демократические государства из Евросоюза. Явление американизации становится все больше популярным и все шире распространяется. Литературный исследователь Станислав Никоненко в статье «Замятинская улыбка» дает негативную оценку США как пропагандиста демократических лозунгов. Он справедливо

замечает, что это влиятельное государство «решило уже весь мир осчастливить демократией, для чего сначала распространяются фильмы, песни, пляски, листовки, а потом летят ракеты, бомбы, идут танки»[3; 17]. Литературовед указывает и на американскую вооруженную интервенцию в Ираке, которая состоялась якобы в защиту демократии. В продолжении этого высказывания подчеркивается, что в США постоянно расширяется процесс манипуляции общественным сознанием с помощью средств массовой информации. В качестве примера приводится факт, что почти три четверти населения США выступили в поддержку войны против незащищенной арабской страны во имя «абстрактных идей демократии»[3; 17]. Кстати, и Единое Государство планировали послать Интеграл в космическое пространство, чтобы принести благо миру, освободить всю вселенную от варварства и хаоса.

Очень важным мотивом, характеризующим Единое Государство, является мотив машины, стремление к полной механизации. Однако не технический прогресс кажется Замятину опасным – имея в виду хотя бы техническое образование писателя - а неестественное, искусственное, механическое происхождение «нового мира»[4; 7], как замечает Скороспелова. По мнению писателя, стремление к автоматизму жизни и подчинение всех безошибочному, с точки зрения власти, стереотипу поведения, функционированию общества могут отрицательно повлиять на будущее человечества. Существенным является вопрос, сформулированный писателем: можно ли реализовать идею общечеловеческого счастья путем отнятия у человека такой ценности как его индивидуальность, которая свидетельствует о его неповторимости и является сутью человечества? Этот риторический вопрос был задан тогдашним гражданам Советского Союза, Европы и их потомкам. Поэтому он актуален по сей день и будет актуальным всегда, поскольку относится к универсальной тематике, корни которой мы найдем уже в древнюю эпоху у Платона.

Ярким примером террора и манипуляции в мире замятинской антиутопии является Великая операция, которой были подвергнуты все «нумера» после восстания членов оппозиционной организации Мефи. Цель операции заключалась в том, чтобы больному пациенту вырезать часть мозга, отвечающую за фантазию, которая была признана государством вредным и нежелательным элементом для организма, причиной серьезной болезни, то есть проявлением человеческой души. Фантазия вела к непредсказуемости, к желанию свободы, к потенциальному бунту, которого угрозу следовало искоренить. Следовательно, результаты операции должны быть эффективными и надежными. Такими они действительно оказались в практике. «Нумера» в результате операции превращались в «какие-то человекообразные тракторы», у которых вместо ног появлялись «какие-то тяжелые, скованные, ворочающиеся от невидимого привода колеса»[6; 311]. В конце романа главный персонаж – Д-503, побежденный системой, дает себя оперировать и таким образом опять становится благонадежным, то есть лишенным сознания, способности чувствовать и думать, гражданином Единого Государства.

В критической статье «Завтра» Замятин пишет: «Мы пережили эпоху подавления масс; мы переживаем эпоху подавления личности во имя масс; завтра – принесет освобождение личности во имя человека» [8; 344]. Писатель часто в своих научных работах сопоставлял прошлое, настоящее и будущее, акцентируя последнее понятие. Его литература была устремлена в будущее, что хорошо выражено в «Мы». Завтра, по мнению писателя-философа, несло освобождение от всемогущей власти государства. Наше сегодня подтверждает надежду Замятина. Сегодня в высокоразвитых капиталистических государствах все реже граждане страдают по поводу своих взглядов, по крайней мере не так, как это имело место в тоталитарных системах. Демократические конституции гарантируют человеку свободу слова и вероисповедания, каждый может самостоятельно решать свои личные проблемы. Однако это не значит, что мы живем в безопасном мире. Нам постоянно угрожает влияние на наше сознание со стороны средств массовой информации, перед которыми человек не в состоянии скрыться. Их механизмы действуют неявно, они завуалированы, поэтому оказывают сильное влияние на человека, бессознательно впитывающего в себе массу информации и закодированных знаков. Техники манипуляции, использованные СМИ, особенно рекламой, воздействуют на волю, разум и эмоции потребителя, который с большим трудом может

защититься перед ее нахальным сообщением. Наилучший способ защиты – это знания и самостоятельность мышления, два элемента, которых были лишены «нумера» из замятинской антиутопии.

Существенным элементом системы подавления героев в художественной действительности «Мы» был труд и отношение человека к работе. В «Мы» нумер живет для работы, для совершенствования Единого Государства и приношения пользы обществу. Работа является целью и смыслом жизни граждан, а продуктивность – мерой их полезности для государства. Здесь наблюдаем сходство с коммунистической доктриной, согласно которой «подчинение личных дел делам партийным, общественным, профессиональным – как справедливо замечает Т. Степновска -, должно было стать фундаментом нового сознания, способного пожертвовать собой и своими близкими, а также другими людьми ради реализации проправительственных планов и задач»[5; 86 - перевод мой – К.С.]. В такой обстановке трудно выжить и остаться человеком. Если приоритетом становится работа и служба государству, из жизни автоматически исключаются такие понятия как любовь и дружба. Замятин предостерегал своих потомков, что без них человеку невозможно жить. Поэтому в своем романе он представил образ бездушной цивилизации, в которой человек – это не «корона существа», согласно словам Гамлета, а полностью предан делам государства раб без воли и души.

Некое воплощение замятинского замысла в настоящем представляет общественно-экономическая ситуация в Японии, в результате которой люди умирают от переутомления на работе. Это явление, впервые зарегистрированное в 1969 году, получило в японском языке название «кароши» и немедленно превратилось в социальную проблему, с которой пытается бороться японское правительство. Такова плата за экономическое и технологическое лидерство в этом мире. Причем следует подчеркнуть, что самоубийственный подход к работе является наиболее социально одобряемым владельцами предприятий и капитала. Что больше, японская традиция воспринимает «кароши» как поощрительную награду для семьи за образцовое воспитание своего ребенка, подтверждением чего являются высокие денежные компенсации, выплачиваемые государством. Комментарий лишний.

В качестве подведения итогов приведем слова Глеба Архангельского, автора статьи «Достижение результатов: предрассудки, факты, технологии»: «Раньше считалось, что прогресс принесет человеку увеличение количества свободного времени, облегчение тяжести труда, повышение удовлетворенности жизнью. Практика показывает обратное». Об этом и писал Замятин, подвергая испытанию идею всеобщего счастья, реализованную искусственным путем – террором, обманом и беспощадностью. «Кажется удивительным, - констатирует Скороспелова, - что Замятин [...]смог предвидеть, сколь глубоким будет результат завоевания массы, какую благодатную почву найдут в человеческой психике разного рода «предрассудки» и каким мучительным будет процесс освобождения»[4; 8]. Эта проблема не чужда и нам, людям XXI века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gildner A., *Proza Jewgienija Zamiatina*, rozprawa habilitacyjna, Kraków 1993.
2. Интервью для Фредерика Лефевра, [в:] *Антология сатиры и юмора России XX века, Е.И.Замятин*, том 28, Москва 2003.
3. Никоненко Ст., *Замятинская улыбка*, [в:] *Антология сатиры и юмора России XX века, Е.И.Замятин*, том 28, Москва 2003.
4. Скороспелова Е.Б., *Возвращение*, [в:] Е.И.Замятин. *Собрание сочинений*, Москва 1990.
5. Stepnowska T., *My Jewgienija Zamiatina i koncepcja „nowego człowieka”*. *Wizje przyszłości cywilizacji umysłów zniewolonych*, [в:] *Heretycy i prawomyślni. Rosyjska proza fantastyczna po roku 1917 wobec koncepcji „nowego człowieka”*, Łódź 2001.
6. Замятин Е.И., *Мы*, [в:] *Антология сатиры и юмора России XX века, Е.И.Замятин*, том 28, Москва 2003.
7. Замятин Е.И., *О литературе, революции и энтропии*, [в:] *Е.И.Замятин*, Избранные произведения, том 2, Москва 1990.
8. Замятин Е.И., *Завтра*, [в:] Е.И.Замятин, Избранные произведения том 2, Москва 1990.
9. <http://www.improvement.ru/bibliot/operupr/operupr01.shtml>
10. <http://ru.wikipedia.org/wiki/totalitarism>